

ЛАРИСА ПАВЛОВНА МОРИНА

УДК 130.2

доктор философских наук, доцент,
Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
l.morina@spbu.ru

КУЛЬТУРНЫЙ КОД КАК ДИСКУРСИВНЫЙ ФЕНОМЕН

Аннотация: Автор статьи предлагает в поисках культурного кода обратиться к дискурсивным формам его репрезентации. Язык, будучи самым консервативным элементом культуры, обладает мнемонической функцией и является способом традиционной концептуализации мира. Исследуя семантику его специфических выражений (слова, идиомы, поговорки, сказания), выявляются аксиоматические структуры понимания, ценностные ориентации, эстетические и этические нормы этноса.

Ключевые слова: язык; культурный код; концептуализация; дискурс.

Для цитирования: Морина Л.П. Культурный код как дискурсивный феномен // Studia Culturae. 2022, 2 (52). С. 49–60. DOI: 10.31312/2310-1245-2022-52-49-60

LARISA P. MORINA

Dr. Sci. in Philosophy, Associate Professor,
Institute of Philosophy, St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia,
l.morina@spbu.ru

CULTURAL CODE AS A DISCURSIVE PHENOMENON

Abstract: The author of the article suggests turning to discursive forms of its representation in search of a cultural code. Language, being the most conservative element of culture, has a mnemonic function. Accordingly, it is a way of traditional conceptualization of the world. Exploring its specific expressions (words, idioms, sayings, legends), the axiomatic structures of

understanding, value orientations, aesthetic and ethical norms of the ethnoses are revealed.

Keywords: language; cultural code; conceptualization; discourse.

For citation: Morina L.P. Cultural Code as a Discursive Phenomenon // *Studia Culturae*. 2022, 2 (52). P. 49–60. DOI: 10.31312/2310-1245-2022-52-49-60

Понятие «культурный код» можно смело отнести к категории самых трудно выводимых. Существует внушительное количество подходов к определению данного понятия, как принадлежащих уже истории науки, так и появившихся в последнее время. Несмотря на это, думается, культурологам — а это область именно теории культуры — не удастся прийти к однозначному выводу и сформировать единое для всех определение не только в ближайшее время, но и в более отдаленной перспективе. Такого рода скептицизм связан, прежде всего, со спецификой самого предмета исследования, природа которого не раскрывается в процедуре объективного дистанцирования. Это напоминает серую кошку в темной комнате: все знают, что она там есть, но никто ее не видит. Тем не менее, автор не сторонник методологического агностицизма, напротив, — предлагает посмотреть на объект не с позиции внешнего наблюдателя, а применить так называемую инклюзивную технологию.

Не только культурный код, но и культура в целом, является нерелефлексивной областью, некой формой культурного инстинкта, образующей глубинный уровень бессознательного личности/этнoses. Этим собственно и была мотивирована проблема метода в «науках о духе» в постклассической философии в конце XIX в., когда на смену философии разума пришла философия жизни. Представители философии жизни и неокантианства, а также нарождавшейся герменевтики были едины в понимании особой онтологии «духа», а также

необходимости адекватной методологии ее описания. «Жизнь должна быть поставлена в центр мирового целого, и все, о чем приходится трактовать философии, должно быть относимо к жизни. Она представляется как бы ключом ко всем дверям философского знания. Жизнь объявляется собственной “сущностью” мира и в то же время органом его познания. Сама жизнь должна из самой себя философствовать без помощи других понятий, и такая философия должна будет непосредственно переживаться» [1. С. 210]. Соответственно и культура получает иное истолкование: в основу ее кладется не идея трансцендентального субъекта с априорными формами чувственности и рассудка, а жизнь, которая есть главным образом жизнь духа в его индивидуальной истории, которая нуждается не столько в логике, сколько в понимании и переживании. В этой специфике состоит основная трудность и многозначность понятия культуры как форм жизни. Жизнь как таковая не может быть объектом внешнего наблюдения, поскольку она неотделима от самого субъекта, являясь его жизнью.

Рассуждения о коде могут быть включены в смысловой контекст жизни как ее внутренняя структура или имманентная логика. В этом ключе культурный код, как имплицитный механизм фундирования культуры, не доступен для непосредственного созерцания. Выяснение его структурных элементов может проводиться лишь опосредованно, через анализ системы внешнего тела культуры — традиций, уклада этноса, языка, художественных практик, политических институтов и т. д. В этом пункте и заключается источник множественности интерпретаций, подходов и определений понятия «культурный код», поскольку путь познания не опирается на точные методологии, но руководствуется скорее интуицией и культурным тактом исследователя.

Существует ряд однокоренных феноменов (буквально: произрастающие из одного корня). Это — культурные

стереотипы, национальный характер, национально-культурная идентичность и ментальность. А корнем всего этого разнообразия, по-видимому, и является культурный код как система культурно-априорных форм, или аксиоматических структур сознания. Национально-культурный код — это система взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, определяющих и задающих параметры конкретного смыслополагания, точку пересечения оси времени и пространства жизнедеятельности в социально-культурной системе координат. Он образует основу идентичности этноса и определяет специфику его культурных форм и практик. Культурный код складывается столетиями, кристаллизуясь в историко-социально-культурном опыте, в процессе совместного проживания критических ситуаций, адаптации и противостояния вызовам внешнего мира. Так рождается национальный характер, формируются культурные стереотипы и уникальное мировидение, или мировоззрение, запечатленное, прежде всего, в языке.

Областью знания, занимающейся вопросами взаимоотношения языка и культуры, является этнолингвистика, которая зародилась в начале XX в. в рамках американской культур-антропологической школы. Среди ее основных представителей выделяются Ф. Боас, Р. Бенедикт, М. Мид, А. Кребер и др. Истоки творчества авторов теории (иногда говорят, — гипотезы) лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа также берут свое начало внутри данной традиции. Несмотря на то, что среди ученых нет единообразия во взглядах на лингвистический детерминизм, — тем более что данный аспект этой теории нас мало интересует — никто из них не берется, тем не менее, отрицать наличие самой взаимосвязи языка и ментальности. По утверждению Сепира, язык является руководящим началом в изучении культуры, своего рода «символическим руководством к пониманию культуры». С его помощью упорядочивается система культурных стереотипов [2].

На базе этого общепризнанного факта сформировалась так называемая языковая картина мира, которая описывает средства и формы выражения ментальных структур этноса — его культурных (ценностных доминант, социально-ролевых статусов, способов и норм социального общения т. д.) представлений. В отечественной науке проведены обширные исследования в области русской языковой картины мира, выявлены основные концепты русского языка, вокруг которых разворачивается все смысловое пространство. В рамках Московской семантической школы шла плодотворная работа по изучению и выяснению семантики русского языка, выявлению его структур понимания, оценивания и мировидения. Некоторые из ниже приведенных результатов были опубликованы, в частности, в сборнике «Языковая картина мира и системная лексикография» под редакцией академика Ю. Д. Апресяна [3], а также сборнике статей, посвященном памяти основателя школы «логического изучения языка» чл.-корр. РАН Н. Д. Арутюновой [4].

Основная задача лингвистической семантики (в союзе с семиотикой и культурологией) состоит в реконструкции цельной системы представлений народа, отраженной в данном языке. Естественный язык является уникальным способом концептуализации мира. В нем отражена система представлений о Вселенной, окружающем мире, о природе человека и его месте в мире, требования народной этики, типы эмоциональных реакций и т. д. Это своего рода коллективная психология, философия, «наивная» физика, математика и др.

Что касается семантики русского языка, то она выстраивается на основе анализа метафорической сочетаемости, этимологии и, главным образом, выявления концептов (ключевых слов, трудно, или вообще *непереводимых* на другие языки уникальных смыслов). Например, представление русских о совести на основе анализа метафорической сочетаемости может быть составлено следующим образом. В русском

языке говорится: «угрызения совести» (метафора грызуна), «чистая/нечистая/запятнанная совесть» (метафора полотна), «укор/голос совести» (метафора назидательного субъекта). По отношению к душе (эмоциональной жизни) применяется так называемая «телесная метафора». Душа, так же как и тело, чувствует боль («болит душа»), холод (страх, «похолодел от страха»), тепло (радость, «отогреть душу»), жар (страсть), неприятный вкус (отвращение).

«Во многих из названных здесь слов (авось, маяться, неприкаянность, рок, томиться, тоска, хочется), разные исследователи усматривают, с точностью до синонимии формулировок, следующие характерные для русской языковой картины лейтмотивы: наличие чужой воли; ее неопределенность, непостижимость, таинственность для субъекта; «пассивность субъекта установки», когда все происходит как бы само собой; ощущение неподвластности человеку хода событий» [З. С. 36]. Невидимый, но всемогущий, агент действия, «чужая воля» всегда наличествует и определяет результат действия человека. Эта самая «квазиреальность» ответственна за то, что происходит или не происходит с нами. Даже в тех случаях, которые напрямую связаны с самим человеком, результат не связан только с его действиями. Чаще всего это проскальзывает в оправдательных высказываниях, типа «не сложилось», «не довелось встретиться...» и др. Что означает «мне (не) хочется» или «ему хотелось»? Это значит нечто следующее: это не я/он хочет/не хочет, это что-то во мне/в нем имеет желательную функцию. Весьма интересна фраза «мне не работается». Это означает, что в русской картине мира осмысливается тотальность бытия квазисущности, что она не только присутствует человеку, но и проникает в его внутренний мир — управляет его мыслями и желаниями. Ответа на вопрос «Кто виноват?» в русской культуре не существует. Таким образом, исходя из частотности проявления этого феномена в русском языке, можно с уверенностью утверждать, что представление о квазиреальности является ключевым элементом русского

культурного кода. Логическими следствиями его являются архетип пассивного субъекта и не персонифицированной ответственности.

Что бы ни делал русский человек, он всегда имеет в виду эффективное присутствие стороннего актора. Есть в языке цепочка из трех частотных глаголов, объединенных единым пониманием непредсказуемости результата действия и пространственного перемещения: *собираться-выбираться-добираться*. Если сформировать структурно аналогичные высказывания с данными глаголами, то заметим, насколько разные смыслы в них складываются: «я сегодня *не соберусь*», «я сегодня *не выберусь*» и «я сегодня *не доберусь*». В первом случае речь идет о неблагоприятном внутреннем (ментальном) и внешнем состоянии субъекта. Во втором случае речь идет уже о метафизических препятствиях, а в третьем — о неблагоприятном состоянии, неподконтрольности человеку и непредсказуемости дороги/пути к цели.

О. Шпенглер считал, что прасимволом русской культуры является бескрайняя равнина, или простор. Д. С. Лихачев определял удаль как храбрость, умноженную на простор для выявления этой храбрости. Аналогично обстоит дело с подвигом, где также присутствует пространственный смысл. Но, думается, этого недостаточно. Подвиг не был бы подвигом, если бы пространство понималось чисто географически, как бескрайний простор. В традиционном сознании всё, что находится за пределами ойкумены, является хаосом, неструктурированной сферой, в которой возможно всё. Существование в этой среде невозможно иначе, как с величайшим напряжением сил и только с Божьей помощью. Отсюда и специфическое понимание подвига в русской традиции — как героического преодоления пространства, заселенного метафизическими (точнее, инфернальными) существами.

Особый интерес представляет глагол *собираться*. Как отмечают лингвисты, в нем содержатся два основных смысла:

1) это процесс мобилизации внутренних и внешних ресурсов; 2) метафизический процесс, отсылаемый к той же квазисубъектности. В обоих случаях *собираться* является синтезом намерения и процесса при отсутствии (это важно) видимых проявлений. Все указанные свойства прослеживается в сказаниях и былинах. Илья Муромец тридцать три года был парализован, а потом внезапно окреп и настолько, что и соловей-разбойник, и всякая прочая нечисть трепетали от его вида и имени. О чем здесь сказано? Что означают эти долгие года недвижимости? С большой долей вероятности можно утверждать, что это период того самого процесса ментально-метафизического собирания энергии, сил и возможностей. Илья Муромец *собирался*. Этот же смысл включен в *собирание* земель вокруг Москвы. Это не только присоединение территорий, но и неявленный метафизический процесс. Не случайно используется слово «собирание», а не «присоединение», что было бы слишком банально. Это характерная черта русской ментальности — осмысливать ничегонеделание как много значимый процесс.

Еще одним следствием наличия квазиреальности является непрозрачность причинно-следственных отношений. Подлинная причина событий остается не проясненной, поэтому строгий детерминизм для русского человека является свидетельством неразвитости ума, его неспособности видеть, насколько сложно устроен мир. Есть фундаментальная «эпистемологическая неопределенность» всего, что окружает человека. Ход событий не постижим и повлиять на него нельзя. Отсюда и проблема вероятности («а вдруг», «на всякий случай», «если что...»). Все происходит как-то само собой, и произойти может всё что угодно в соответствии с имманентной логикой этого квазисубъекта.

Но относительно будущего, тем не менее, у русского человека нет пессимизма. Наоборот, присутствует вера в то, что скрытый ход вещей совершится самым благоприятным

образом. Кроме привычного прямого высказывания «*все будет хорошо*», существуют и конструкции неопределенной субъектности, типа «*сбудется*». Только русский человек понимает всю смысловую глубину текста «*Образуется!*». Именно текста, поскольку в одном этом слове свернуто целое повествование о жизни, судьбе/доле, провидении, любви, вере и смирении. Перевести на другой язык это возможно единственным способом — разворачивая все повествование. Аналогично обстоит дело со словом «*везет*», которое В. В. Колесов описывает как символ, образованный последовательным сворачиванием рассказа о том, как доля-судьба возит дураку дрова. На первом этапе рассказ сворачивается в пословицу «*дураку счастье везет*». Далее пословица преобразуется в малую форму — поговорку «*ему везет*», которая далее трансформируется в слово-символ «*везет*» [5. С. 10–11]. Таким образом, происходит смысловое сжатие текста с одновременным сохранением его содержания, чем обеспечивается скорость мышления и коммуникации людей, находящихся в едином смысловом контексте. Так возникают афоризмы, кладези народной мудрости, которые порождены опытом жизни. Оттачиваясь в процессе употребления в речи, они обретают лаконичную поэтическую форму.

Другим значимым элементом культурного кода можно назвать оценочный двузначный код как некий устойчивый сценарий, предполагающий распределение оценок любых фактов на категории небо/земля, душа/тело, радость/удовольствие, добро/зло и т. д. На поляризацию ценностных представлений (добро/зло, богатство/бедность и др.), как особо значимых для русской картины мира, обращали внимание Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский, А. Д. Шмелев, Н. И. Толстой и др. Подтверждение тому, что этот дуализм, действительно, существует на глубинном уровне сознания, говорит тот факт, что его влияние на нашу культуру прослеживается и по сей день. Вероятно, трудовое разгильдяйство, отсутствие комфорта

городской среды, например, традиционно плохое состояние российских дорог, особенно проблему зимней уборки снега, можно было бы «оправдать» как архетипическую привычку к небрежению обустройства среды обитания. Но тогда резонно было бы ожидать столь же ревностного служения высоким духовно-нравственным идеалам, что совсем неочевидно.

Однако по поводу понимания культурной функции ценностной поляризации в литературе есть и другие мнения. Так, по утверждению В. В. Колесова, «отрицательный параллелизм» (ряд крайних противоположностей) говорит не о том, что русский человек «не видит» промежуточных состояний и средних степеней между полюсами оценок. «Кажется, будто Средневековье не знает полутонов и переходов между крайностями; нет, оно их знает, но сознательно пренебрегает ими. Оно возвращает нас к тому времени, когда добро и зло, правда и ложь были конкретными данностями существования и представляли во всем объеме своих признаков как неделимое целое, как конкретность быта, не имеющая степеней и силы проявления» [5. С. 12]. Можно продолжить эту мысль, с позволения автора, и предположить, что «отрицательный параллелизм» в русском языке выполнял ритуальную функцию обновления сознания, наведения оптики восприятия ради различения сущностей: добро есть добро, зло есть зло. Полутона существуют в жизни, но важно не позволять им «замыливать» взгляд.

В связи с тем, что язык делает явленной латентную структуру бессознательного кода, он утверждается в качестве универсального механизма культурной идентификации. Идентичность, в том варианте как она «проговаривается», становится также дискурсивным продуктом. Говорить — значит занять позицию субъекта дискурса, что дает возможность ему стать представителем конкретного культурного сообщества.

Помимо языка, другим механизмом, а также формами проявления кода, являются паттерны поведенческих стратегий.

То, что отличает один народ от другого, — это способность выдавать в одних и тех же ситуациях разное поведение, причем структурно организованное с точки зрения его внутренней логики. Типичные поведенческие сценарии этноса, аналогично языку, манифестируют структуры национально-культурного кода.

Стереотипы, составляющие существо поведенческих паттернов, имеют амбивалентный характер. С одной стороны, как нечто позитивное, они выражают общее, что существует в социально-культурной природе этноса (и поэтому они суть необходимая база исследования аутентичной культуры этноса). С другой стороны, как нечто отрицательное, стереотипы зачастую являются объектом критики, поскольку довлеющие над человеком поведенческие и ментальные штампы ограничивают креативность и свободу личности. Разумеется, трудно представить полностью свободное от стереотипов сознание. В этом случае дело обстоит так же, как и с предрассудками, избавление от которых, по существу, является формой замещения: на освобожденное от стереотипов/предрассудков место заступают аналоги из другого дискурса. Для более конкретного обсуждения данного вопроса необходимо учитывать степень загруженности сознания стереотипами, т. е. важно иметь в виду градацию типов сознания: от закрытых (догматических) форм до открытых, способных к восприятию иного культурного опыта.

Однако описание указанных сценариев является увлекательной исследовательской задачей и не может быть решена в рамках данной статьи, но может стать предметом отдельного исследования.

Таким образом, национально-культурный код «проговаривает» себя в различных дискурсивных феноменах этноса, каковыми являются не только язык, но и поведенческие сценарии, стереотипы мышления и поведения. Соответственно, изучать и описывать культурный код можно посредством

обращения к формам его репрезентации в дискурсивных практиках личности/социума.

Список литературы | References

1. Риккерт Г. Философия жизни // Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика. 1998. 413 с.
Rickert G. "Philosophy of life", *Natural sciences and cultural sciences*, Moscow, Republic, 1998. 413 p. (In Russ.)
2. Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Языки как образ мира. СПб.: Terra Fantastica. 2003. 568 с.
Sepir E. "The status of linguistics as a science", *Languages as an image of the world*, St. Petersburg, Terra Fantastica, 2003. 568 p. (In Russ.)
3. Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю. Д. Апресян. Москва: Языки славянских культур, 2006. 910 с.
Apresyan Yu.D. (ed.), *Linguistic picture of the world and systemic lexicography*, Moscow, Languages of Slavic cultures, 2006. 910 p. (In Russ.)
4. Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 879 с.
Apresyan Yu.D. (ed.), *Hidden Meanings: The Word. Text. Culture: Collection of articles in honor of N.D. Arutyunova*, Moscow, Languages of Slavic cultures, 2004. 879 p. (In Russ.)
5. Мудрое слово Древней Руси (XI–XVII вв.): сборник / сост. вступ.ст.,пер. и коммент. В.В. Колесова. М.: Советская Россия.1989. 464 с.
The Wise Word of Ancient Rus (XI–XVII centuries): Collection: compilation, introductory article, translation. and comment. by V.V. Kolesov, Moscow, Soviet Russia, 1989. 464 p. (In Russ.)